

Лу Чэнь прожил в лагере Клана Волков полмесяца. Раны Бай Лана по большей части затянулись, и он уже мог нормально ходить, хотя левой рукой всё ещё не мог владеть в полную силу. Бай Шуан говорила, что для полного выздоровления потребуется по меньшей мере ещё месяц, но Бай Лан не хотел ждать так долго и уже начал передвигаться по окрестностям лагеря.

— Пошли, отведу тебя на охоту. — Однажды утром Бай Лан заглянул к Лу Чэню, держа в руках два коротких ножа. Один он бросил Лу Чэню, а второй заткнул за пояс.

— Твои раны ещё не зажили, — возразил Лу Чэнь.

— Охота — это же не смертный бой. — Бай Лан круто развернулся и зашагал прочь. — Не отставай.

Они вышли из лагеря и направились к лесу, лежавшему на севере. Лу Чэнь впервые отправлялся на север от волчьего стойбища: прежде он лишь бежал оттуда с южной стороны, и северный лес казался ему совершенно чужим.

Бай Лан шел впереди, шагая гораздо быстрее, чем раньше. Его левая рука по-прежнему висела на перевязи, но в поступи уже не осталось ничего от тяжелораненого человека. Лу Чэнь следовал за ним по пятам, уставившись на его затылок — серебристо-белые волосы ярко блестели в лучах солнца.

— Ты чего уставился? — не оборачиваясь, бросил Бай Лан.

— На твои волосы, — ответил Лу Чэнь. — Почему они серебристо-белые, а у твоей сестры — чёрные?

— Я пошёл в мать, — сказал Бай Лан. — У неё были именно такие, серебристые.

— А где она?

Бай Лан не ответил. Сообразив, что задал неуместный вопрос, Лу Чэнь замолчал. Какое-то время они шли в полной тишине, пока Бай Лан вдруг не заговорил:

— Умерла. Когда мне было пять лет, Клан Крови напал на лагерь, и она погибла, защищая меня. Отец тогда воевал на чужбине и не успел вернуться. К его возвращению её уже похоронили.

Лу Чэнь не знал, что сказать. Ему хотелось произнести простите, но эти слова казались слишком банальными. Хотелось сказать я понимаю, но у него самого не было матери, и понять этого он не мог.

— Пришли. — Бай Лан остановился, присел на корточки и указал на цепочку следов на земле.
— Оленьи. Свежие, прошли сегодня рано утром.

Лу Чэнь опустился рядом и пригляделся: следы были глубокими, а на их краях ещё темнела влажная грязь.

— Чуешь запах? — спросил Бай Лан.

Лу Чэнь шумно втянул носом воздух: вокруг пахло сосновой смолой и мхом, но сквозь них пробивался слабый, трудноуловимый солоноватый дух.

— Чую. Впереди кто-то есть.

— Не кто-то, а олень. Этот запах — звериный дух.

Бай Лан поднялся на ноги.

— Иди за мной и молчи. Как только подойдем ближе, я укажу на него, а ты стреляй.

Он протянул Лу Чэню небольшой лук: колодка была сделана из бычьего рога, а тетива — из звериной сухожильной жилы, тугая донельзя. Лу Чэнь взял оружие, попробовал натянуть, но не смог справиться. Его собственные силы уже намного превосходили человеческие, но этот лук оказался куда жёстче, чем он предполагал.

— Ничего страшного, если не сможешь натянуть до конца, — успокоил Бай Лан. — Подпустишь ближе и пальнёшь.

Они двинулись вперёд медленно и бесшумно, ступая по опавшей листве так легко, что не раздавалось ни звука. Бай Лан шёл впереди, то и дело оглядываясь, чтобы убедиться, что Лу Чэнь не отстаёт. Пройдя около четверти часа, он остановился и поднял кулак. Лу Чэнь тоже замер, припав к земле за стволом раскидистого дерева.

Впереди лежала небольшая поляна, и на ней паслась олениха. Огромная — гораздо крупнее тех, что Лу Чэнь доводилось видеть на рудниках. Её длинные ветвистые рога переливались на солнце. Понурив голову, она щипала траву, то и дело прядая ушами и настороженно прислушиваясь к окружающим звукам.

— Стреляй, — шепнул Бай Лан.

Лу Чэнь вскинул лук, наложил стрелу и прицелился в тушу зверя. Его пальцы дрожали — вовсе не от страха или напряжения, а от отчётливого понимания: стоит тетиве отпустить стрелу, и это создание погибнет. Ему доводилось убивать крольчат, рыбу, диких монстров. Но олень —

совсем другое дело. Олени — живые духи этого леса, а вовсе не его враги.

— Чего ты ждёшь? — шёпот Бай Лана был едва слышным, но полным тревоги. — Упустишь — убежит.

Лу Чэнь разжал пальцы. Стрела сорвалась с места, миновала олениху и глубоко вонзилась в ствол дерева неподалёку, гулко вибрируя хвостовиком. Встревоженный зверь взметнул копыта и в мгновение ока скрылся в чащобе.

Лу Чэнь опустил лук, глядя туда, где только что исчезла олениха.

Подойдя ближе, Бай Лан бросил взгляд на торчащую в дереве стрелу. Помолчав немного, он произнёс:

— Ты не промахнулся. Ты просто не захотел стрелять.

Лу Чэнь промолчал.

— Не хочешь отнимать жизнь? — допытывался Бай Лан.

— Нет, — покачал головой Лу Чэнь. — Просто... мне показалось, она мне ничего не сделала.

Бай Лан прислонился спиной к стволу, скрестив руки на груди. Левая рука по-прежнему покоилась на перевязи, так что обхватить себя он мог только правой, и поза выглядела несколько неловко.

— А когда ты убивал диких монстров, почему-то не сомневался?

— Монстры — другое дело. Они убивают людей.

— Олени людей не убивают, но когда ты голоден, ты их убиваешь. Сейчас ты не голоден, поэтому и не стал стрелять. — Бай Лан пристально посмотрел на него. — Слишком ты мягкосердечен, Лу Чэнь. Доброта — не порог, но в этом лесу за мягкосердечие платят жизнью.

Лу Чэнь знал, что спутник прав, но ничего не мог поделать со своей рукой.

— Пойдём. — Бай Лан хлопнул его по плечу. — Сменим место, попробуем ещё раз.

Шагая на запад около получаса, они выследили ещё одного оленя. На сей раз это был оленёнок — много меньше прежнего, рожки ещё даже не прорезались, а шубка отливала рыжеватобурым цветом, казаясь совсем мягкой.

— Вот этот, — шепнул Бай Лан.

Лу Чэнь поднял лук и взял оленёнка на мушку. На этот раз его руки не дрожали, но выстрелить он снова не смог. Опустив оружие, он покачал головой.

— Не могу.

Бай Лан молча посмотрел на него, подошёл, забрал лук, вложил стрелу и спустил тетиву. Снаряд безошибочно вонзился в шею малыша. Сделав пару шагов, оленёнок рухнул на траву.

Подойдя вплотную, Бай Лан присел на корточки, выдернул стрелу и тёр окровавленный наконечник о шкуру убитого зверя.

— Не хочешь убивать ты — убью я. Но тебе придётся научиться. — Он протянул лук обратно Лу Чэню. — В следующий раз стреляешь ты.

Взяв оружие, Лу Чэнь уставился на мёртвого оленёнка. Глаза зверька всё ещё были открыты, и в их чёрных зрачках отражалось бескрайнее небо — яркие, чистые, похожие на две влажные звёздочки.

— Не смотри, — бросил Бай Лан. — Только хуже будет.

Отвернувшись, Лу Чэнь поплёлся следом. Бай Лан нёс тушу на плече, шагая впереди. Свежая кровь струилась по его спине, окрашивая одежду в тёмно-бурые тона. Плетясь позади и глядя на кровавые следы, Лу Чэнь чувствовал, как в голове всё путается. Разумом он понимал: Бай Лан прав, излишняя жалость смертельна. Но ему было не под силу вести себя так же — лишать живое существо жизни, даже не моргнув глазом. Наверное, всё дело в том, что Бай Лан с пелёнок рос в этих чащах, и убийство для него так же привычно, как еда или питьё. А сам он ещё полгода назад долбил камень в шахтах и за всю жизнь не убил даже курицы.

Вернувшись в лагерь, Бай Лан отнёс добычу к очагу и передал женщинам Клана Волков. Те принялись свежевать тушу, разделявать мясо на куски и бросать в котлы. Лу Чэнь стоял рядом, наблюдая, как олень превращается из живого существа в обычное варево. Руки в рукавах сжались в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

Неизвестно откуда появившаяся Бай Шуан приблизилась и встала рядом, скрестив руки на груди.

— Впервые на охоте? — поинтересовалась она.

— Угу.

— Кого добыли?

— Никого. Бай Лан убил.

Бай Шуан бросила на него короткий взгляд, но ничего не сказала. Подойдя к котлу, она зачерпнула половником густой мясной похлёбки и протянула пиалу Лу Чэню.

— Пей. Мясо добыто на вашей охоте, первая чаша твоя.

— Это не я добыл, а Бай Лан.

— Раз ходил с ним — значит, твоё. — Бай Шуан силой всунула пиалу ему в ладони. — Пей.

Зажав чашу в руках, Лу Чэнь так и замер возле котла, не притрагиваясь к еде. Похлёбка исходила обжигающим жаром, брызгая в лицо густым ароматом мяса и пряностей. Глядя на плавающий в бульоне кусок, он снова вспомнил глаза оленёнка.

Подошедший Бай Лан толкнул его локтем в бок.

— Пей давай. Он уже мёртв. Если ты не выпьешь, смерть зверя будет напрасной.

Лу Чэнь поднял чашу и сделал глоток. Обжигающий бульон был настолько горячим, что на глаза навернулись слёзы. Он уже не понимал, отчего они выступили — от обжога или от чего-то ещё.

<http://bllate.org/book/22378/2347702>